

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ТРУДА: ФОРМИРОВАНИЕ РЫНОЧНЫХ КАЧЕСТВ И ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ

В начале 90-х годов прошлого столетия российское общество вступило в полосу непрерывных радикальных реформ, которой трудно найти исторические аналоги. Глубокие перемены вызвали беспрецедентный рост внимания к проблемам человека в переходную эпоху. В числе наиболее важных проблем — вхождение человека в рыночную экономику, включение в динамичную политическую жизнь, освоение новых жизненных стратегий, моделей поведения и форм взаимоотношений, приспособление к экономическим, социально-политическим, этническим кризисам и конфликтам и многие другие. Несмотря на кажущееся многообразие, все они так или иначе сводятся к одной центральной проблеме — адаптации человека к радикально обновляющейся социальной среде, в которой сфокусированы главные особенности повседневной жизнедеятельности людей, различные уровни трудностей реализации их социальных ориентаций, потребностей, жизненных планов.

В трансформирующемся обществе совершенно по-новому высвечиваются и приобретают весомость различные аспекты социальной адаптации: социально-экономический, политический, идеологический, морально-нравственный, правовой, информационный и другие. Несмотря на значимость перечисленных аспектов, на передний план выдвигаются проблемы социально-экономической адаптации человека к экономическим и организационным изменениям как результату рыночных преобразований в России [3]. Данный вид адаптации характеризуется способностью индивидов и социальных групп рационально и эффективно использовать имеющиеся профессионально-квалификационные ресурсы, личностный потенциал для встраивания в сложившуюся хозяйственную ситуацию [2, с. 201]. Особую значимость имеют такие его аспекты, как адаптация к меняющимся условиям производства, обмена и жизни.

Ведущая роль социально-экономической адаптации определяется тем, что она непосредственно связана со сферой трудовой деятельности, которая играет «важнейшую роль в конструировании реальной повседневной жизни». Реальность и трудовая деятельность вступают в когнитивную функциональную связь, детерминированную трудом. Трудящееся Я выступает как целостное, нефрагментированное Я, поскольку труд наиболее полно активизирует все потенциальные качества личности, наделяет их единством [16, с. 191].

Посредством трудовой деятельности реализуется основная функция повседневности — жизнеобеспечение, вокруг которой и концентрируются главные проблемы адаптации к трансформационным изменениям. Трудовая деятельность не только удовлетворяет жизненные потребности, но и объединяет разрозненных индивидов в социальный организм, являясь транслятором культуры и одновременно необходимым условием ее развития. Характер включенности в трудовую деятельность, ее результаты в значительной степени определяют многие другие аспекты социальной адаптации.

Трудности адаптации населения к условиям рыночной экономики на первоначальном этапе реформ во многом были обусловлены кризисными явлениями в сфере труда. К числу далеко не полного перечня его признаков можно отнести понижение роли и места труда в жизни человека, массовое отчуждение работников от самого его процесса, потерю интереса к труду и снижение трудовой мотивации. В начале 1990-х годов в экономике доминировал работник, физически изношенный, с высокой степенью социальной усталости, с деформированной нравственностью, работник, «уставший профессионально», имеющий низкий уровень притязаний в сфере потребления, разочарованный в жизни.

В.С. Магун приводит в своих работах результаты Всемирного исследования ценностей (проведенного в 33 странах), которые показывали, что в начале 90-х годов у работающего населения России слабее, чем у работающего населения других стран, были выражены достигательные ценности труда и, наоборот, сильнее — ценности, связанные со стремлением к высокому заработку и минимизации трудовых усилий. Одной из самых низких была и общая оценка значимости труда [8]. По данным НИИ труда, до 80% работников составляли люди, мотивационное ядро которых было основано на стремление к высоким (в их понимании) заработкам в сочетании с желанием иметь работу низкой интенсивности, с неразвитыми потребностями, невосприимчивые к стимулированию, безинициативные, не стремящиеся к профессиональному росту. Доля людей с богатой мотивацией (стремление работать ради блага общества, повышать профессионализм, добиваться уважения) составляла около 10-12%. Но характерной чертой мотивационного комплекса работников этого типа являлось отсутствие четко выраженной ориентации на высокие заработки, потребительская пассивность. И только около 5-6% работников потенциально обладали адекватными рыночным отношениям качествами — способностью к инновациям, стремлением к профессиональной мобильности, с реальной квалификацией и высокой работоспособностью [3]. Конечно, сами работники оценивали свои качества гораздо выше и были полны оптимистических ожиданий от экономических реформ.

Таким образом, фронтальное внедрение рыночных отношений в России натолкнулось на пассивность, апатию, инерционность, неспособность к творческой, инновационной деятельности патернализованного массового работника «советского типа». Такая исходная позиция в немалой степени предопределила трудности адаптации основной массы трудоспособного населения к рыночной экономике. Причем, адаптироваться пришлось не к тому идеализированному рынку, который существовал только в представлениях отдельных групп и слоев, а к реальной ситуации со всеми ее недостатками.

После столкновения с реальной рыночной средой, часто в форме «дикого рынка», многие стали более взвешенно оценивать свои возможности, способности, профессиональные и жизненные перспективы применительно к новому обществу. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)¹ в 1996 г. соответствие личностных качеств требованиям современной рыночной ситуации в России, основанное на самооценках, наблюдалось у 37,8% респондентов, представляющих взрослое население России, причем, полное — только у каждого десятого (табл. 1). Доля последних (назовем их «уверенными рыночниками») оставалась достаточно стабильной на протяжении всех лет исследования. При этом в противоположную когорту попадали до половины опрошенных. Примерно каждого шестого респондента (17,2%) можно было назвать «уверенным нерыночником». Стоит также обратить внимание на значительное количество респондентов, которые не смогли дать какой-либо определенный ответ.

Таблица 1. Самооценка соответствия личностных качеств новой экономической ситуации, 1996-2002 гг. (%)

Самооценка	Октябрь 1996 г.	Ноябрь 1998 г.	Октябрь 2000 г.	Октябрь 2002 г.
Соответствуют	11,4	8,6	9,5	10,0
Скорее соответствуют	26,4	17,8	20,8	23,0
Скорее не соответствуют	30,6	29,1	27,0	29,0
Не соответствуют	17,2	30,7	29,2	25,7
Не определились	14,4	13,8	13,5	12,3

Поскольку и качества личности, и социальная среда не остаются неизменными, удельный вес людей, способных более или менее успеш-

¹ Мониторинг проводится Институтом социологии РАН, исследовательским центром «Демоскоп», Институтом питания РАМН и Университетом Северной Каролины (США). В ходе мониторинга опрашивается свыше 4 тыс. домохозяйств в 38 регионах России. Более подробно о методических аспектах исследования см.: [15] В данной статье все расчеты проведены на базе панельной выборки.

но следовать за новыми требованиями, постоянно колеблется, достигая крайних значений во время стремительных и глубоких социальных изменений. В период резкого обострения кризиса их количество достигает самых низких отметок, но по мере стабилизации обстановки опять увеличивается. Так, к концу 1998 г. доля вербальных «рыночников» сократилась до 26,4%, но уже в октябре 2002 г. достигла одной трети, оставаясь, однако, на 4,8% меньше, чем в октябре 1996 г. Удельный вес респондентов, оценивающих свои качества как несоответствующие рыночной ситуации, в 2002 г. составил 54,7%, что на 5,1% меньше, чем в 1998 г., но все же на 6,9% больше, чем в 1996 г.

Относительно невысокие самооценки качеств, с одной стороны, во многом следствие изменения требований к качествам личности при переходе к рыночной экономике, с другой — результат снижения планки прежней системы требований, отсутствия у многих из них способности к инновационной деятельности и привычки конкурировать в условиях рынка. В полной мере эти особенности проявились на старте экономических реформ. Большое значение в подобных ситуациях имеет также социально-психологический фактор. Наложение новой системы ценностей на матрицу устоявшихся представлений становится причиной глубокого внутреннего конфликта, порождающего апатию, пессимизм и пассивное приспособленчество.

Наиболее высокие оценки своей «рыночности» характеризуют молодежь. Среди 21-30-летних доля вербальных «рыночников» достигает сегодня почти половины — 49,6%. Но при переходе к каждой следующей, более старшей возрастной группе этот показатель последовательно снижается, останавливаясь на отметке 22,3% в когорте 60-летних. Одновременно повышается доля вербальных «нерыночников»: с 40,9% в когорте 21-30-летних до 59,8% среди респондентов в возрасте старше 60 лет.

Более придирчиво и осторожно оценивают свои качества горожане, особенно проживающие в региональных центрах и других крупных городах. Так, в октябре 2002 г. 59,2% взрослых жителей региональных центров и 55,3% жителей других городов указывали, что у них недостаточно качеств, которые ценятся в сегодняшней рыночной ситуации. Среди сельских жителей доля субъективных «нерыночников» оказалась меньше — 51,2%. При этом удельный вес вербальных «рыночников» и в городах, и в сельской местности был примерно одинаковым: от 32,5% — в региональных центрах до 33,7% — в сельской местности.

Подобные различия в оценках объясняются прежде всего неразвитостью рыночных отношений на селе, заметно снижающей уровень требований к рыночным качествам населения сельской местности. Немаловажное значение имеют особенности адаптации сельских жителей к рыночным условиям, связанные с особой ролью домашнего

хозяйства, сезонностью сельскохозяйственного производства, специфическими условиями труда, быта, досуга, характером и направленностью производства. Как следствие, способы адаптации селян к рыночным реформам, определяемые во многом оживлением домашнего хозяйства, отличаются большим разнообразием, что суживает спектр качеств, необходимых человеку для успешного вхождения в новую ситуацию. Следует также учитывать специфику сельской социальной среды, которая более статична и однообразна, чем городская. Здесь ниже образовательный уровень населения, скуднее информация. Сельская среда отличается устойчивыми нормами и ценностями людей, имеет довольно узкую систему социальной дифференциации, ограничивает процессы социальной мобильности. Поэтому на селе экономические реформы и собственное место в новом социальном пространстве воспринимаются людьми совсем не так, как в городе.

Учитывая, что адаптация представляет собой процесс согласования взаимных требований и ожиданий человека и социальной среды, ведущее место в котором принадлежит согласованию притязаний субъекта с его возможностями, можно утверждать, что легче адаптируются к новой обстановке те, у кого шире личностные ресурсы, хорошо развиты качества, востребованные в измененных условиях. Анализ показывает, что самооценки соответствия личностных качеств требованиям современной рыночной экономики очень хорошо коррелируют с социальным самочувствием — важнейшим показателем адаптации к реформам: чем лучше социальное самочувствие респондентов, тем выше они оценивают свои рыночные качества.

Для большинства вербальных «рыночников» характерны ориентация на индивидуальные достижения, целеустремленность, высокие волевые качества, уверенность в собственных силах. Три четверти респондентов данной группы убеждены в своей способности успешно преодолевать трудности кризисного периода, проявлять самостоятельность и настойчивость, подчинять обстоятельства своей воле для достижения жизненных целей. Две трети высоко оценивают собственные возможности, выражают уверенность в том, что их будущее зависит только от них; более половины убеждены, что всегда могут выполнить задуманное. Высокая оценка собственных возможностей позитивно влияет на состояние готовности к активным действиям в самых сложных ситуациях. «Рыночники» достаточно активны в реальной жизни. Поэтому у многих из них высокие самооценки сочетаются с практическими достижениями. Примечательно, что «уверенные рыночники» — те, кто полностью убежден в соответствии своих качеств современной рыночной ситуации, выражают в ряде случаев меньшую уверенность в собственных силах, чем «колеблющиеся рыночники».

Респонденты с «нерыночными» качествами более инертны, менее уверены в своих силах, возможностях и не столь решительны и успешны в сфере практических действий. У них ниже готовность к восприятию нового. Многие относятся к депривилигированным группам и составляют значительную часть неадаптантов или контингента, испытывающего серьезные адаптационные затруднения. Такое состояние продолжается особенно долго, затягивая весь процесс адаптации, когда личность активно не принимает новые ценности и нормы или относится к ним открыто отрицательно.

Вместе с тем в оценках «нерыночников» можно заметить немало противоречий, которые требуют объяснения. Так, более 60% «уверенных нерыночников» указывают, что не могут реализовать свои планы в новых экономических условиях, периодически ощущают беспомощность перед сложными жизненными обстоятельствами; свыше половины не могут справиться со своими проблемами. И все же значительная часть данного контингента не столь беспомощна, как может показаться на первый взгляд. Около 60% «уверенных нерыночников» не согласны, что ими помыкают в жизни; свыше половины рассчитывают главным образом на собственные силы и убеждены, что смогут справиться со своими проблемами; более трети — уверены в своих возможностях, утверждают, что всегда могут выполнить задуманное.

Хотя респонденты по-разному оценивают свои качества, их отношение к себе, своим способностям по ряду позиций совпадает. Более 90% в каждой группе согласны с утверждениями, что они ничем не хуже других людей и что у них немало хороших качеств. В группе «уверенных нерыночников» лишь немного меньше считающих, что они могут все делать не хуже других (85,1 против 90% в других группах). Вместе с тем, неудовлетворенность респондентов собой тем выше, чем ниже самооценка рыночных качеств (от 23% в группе «уверенных рыночников» до 34,1% в группе «уверенных нерыночников»). Аналогично нарастают доли респондентов, относящих себя к неудачникам (от 16 до 27,7%); тех, кому нечем особенно гордиться (от 29,6 до 40,4%); время от времени ощущающих свою бесполезность (от 27 до 43%).

Корни подобной противоречивости следует искать в особенностях отношения населения к российской модели рыночной экономики. Рынок действительно повысил требования к качествам и работников, и работодателей, но не обеспечил равенства возможностей. Существенная часть респондентов не разделяет точку зрения, что сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен добиться успеха и обеспечить свое материальное благополучие. Нередко ощущение уверенности в собственных силах наталкивается на понимание ограниченности собственных возможностей. От 43,1% «уверенных рыночников» до 67,9% «уверенных нерыночников» соглашаются с суждением: то, что они мо-

гут сделать, мало что изменит в их жизни. От 35,2 до 49,5% соответственно не разделяют точку зрения, что от них главным образом зависит их будущее. Больше половины считающих, что они могут добиться успеха в новых условиях, тем не менее отдают предпочтение не рыночной, а государственной экономике. В массовом сознании очень прочно утвердилось мнение, что предпринимательский успех сегодня связан не с трудовыми усилиями и личными достижениями, а с изворотливостью, наличием влиятельных покровителей или с деятельностью, выходящей за рамки закона.

Подобные представления большей частью отражают нынешнее состояние российского общества и развивающихся рыночных отношений, которые отличаются большим «своеобразием» и порой далеки от цивилизованных форм. В период формирования рыночных отношений произошло резкое ослабление политических, экономических, правовых, нравственных и иных регуляторов поведения человека в обществе. В ситуации безнормности и вседозволенности единственным надежным регулятором остались ценностные ориентиры личности. Рост преступности, коррупция и взяточничество, социальная незащищенность и несправедливость спровоцировали распространение в обществе пренебрежительного отношения к закону и традиционным нравственным ценностям, обеспечивающим стабильность.

Неправовые практики прочно укоренились на всех уровнях взаимоотношений, проникли во все сферы общественной жизни. Заметно снизился уровень правового сознания населения. Сегодня каждый четвертый россиянин считает, что существуют действия и поступки, квалифицируемые законом как преступные, а на самом деле не являющиеся таковыми. Особенно широко распространено такое мнение среди горожан, наиболее образованной части населения, людей среднего возраста. Так, жители региональных центров разделяют подобное мнение вдвое чаще, чем сельские жители (31,3 против 15,2%), а лица с высшим образованием — вдвое чаще, чем лица с неполным средним образованием (26,1 против 13,3%). Свыше трети россиян в большей или меньшей степени убеждены, что совсем не обязательно подчиняться закону, который они считают несправедливым. Подобные взгляды особенно широко распространены в региональных центрах (37%), последовательно нарастают по мере снижения возраста респондентов (с 29,4% среди 60-летних до 48,2% среди молодежи в возрасте до 20 лет).

По этой и некоторым другим причинам идеи создания социально ориентированной рыночной экономики встречаются у людей, лишенных какой-либо государственной поддержки, большое недоверие. Если в прежние времена доминирующее, довлеющее положение в отношениях между работником и государством в нашей стране занимал патернализм, то сегодня люди лишились эффективной государственной под-

держки. Уменьшение степени государственной опеки не привело, как ожидалось, к значительному росту установок на инициативное поведение. В ряде случаев, наоборот, отмечено усиление патерналистских ожиданий. Такой вывод, в частности, содержится в материалах исследования, посвященного изучению динамики и характера изменения отношения к труду работников промышленных предприятий, которое проводится с 1991 г. Причем, утверждение об укреплении патерналистских ожиданий вполне согласуется с выводом об абсолютном доминировании нормы «быть, как все» над нормой проявления инициативного поведения [7]. По сути, мы наблюдаем активизацию приспособленческого начала в сознании значительной части работников.

В нашей стране патернализм не является сегодня компонентом развитой системы рыночных отношений, в отличие от других цивилизованных рыночных моделей, где он дополняет свободное рыночное предпринимательство. Но в условиях трансформационных изменений патернализм не исчез полностью, а приобрел деформированные, уродливые формы и превратился в инструмент манипулирования людьми. В советское время патернализм представлял собой систему устойчивых отношений между работником и управленческим персоналом, чиновниками, представлявшими государство, когда в обмен за заданную трудовую активность работнику предоставлялась возможность удовлетворения лимитированных потребностей в жизнеобеспечении [11]. Сегодня не только трудовая, но и политическая активность зачастую поощряются посредством предоставления людям возможностей для выживания: «дозированных» выплат заработной платы, скрытой оплаты труда, повышений заработной платы, пенсий и пособий, приуроченных к выборам или референдумам, и т.п. И хотя государство в одностороннем порядке сократило свои обязательства в «патерналистском» контракте, его роль по-прежнему остается огромной вследствие неразвитости рыночных механизмов. Наиболее сильно привязаны к деформированной патерналистской системе работники крупных государственных предприятий, медицинские работники, учителя, военнослужащие и другие категории бюджетников.

Переход к рыночной экономике неизбежно повлек за собой трансформацию массового сознания, возникновение новых ориентаций в отношении экономической свободы и социального равенства, коллективизма и индивидуализма. Экономический смысл индивидуализма сводится к расчету не на государство, а на собственные силы при соблюдении равенства взаимодействующих сторон. В принципе определенная доля индивидуализма необходима для нормального функционирования и развития рыночных отношений. Его положительная сторона — формирование такого качества, как осознание себя свободной, независимой личностью, стремящейся опираться на собственные силы

и возможности, находящей удовлетворение в самореализации. Но от индивидуализма совсем недалеко до эгоизма и цинизма. Доведенный до крайности индивидуализм превращается в фактор разъединяющий людей, разрушающий нравственные устои общества и общественное согласие, что мы нередко наблюдаем сегодня в российской действительности.

Сложность формирования общественных идеалов, в том числе и в сфере труда, в настоящее время обусловлена тем, что накопился опереженный потенциал недоверия и возникла социальная разобщенность. Нормы и ценности честного и добросовестного труда, скомпрометированные в советский период, для многих окончательно потеряли свою привлекательность во время перехода к рыночной экономике. В целом, задача создания условий, позволяющих реабилитировать идеалы и ценности честного труда, которой практически невозможно найти альтернативу, во многом сводится к вопросу о формировании цивилизованных рыночных отношений, повышении роли правовых и нравственных регуляторов взаимоотношений, проблеме поиска новых форм партнерских взаимоотношений.

Сегодня, по прошествии более 10 лет с начала активных социальных преобразований, можно констатировать, что экономические реформы так и не смогли преодолеть кризис труда. Устранив ряд прежних причин, лежащих в его основе, они одновременно породили новые, не менее серьезные и опасные, и довели до крайности некоторые старые. Речь идет не только о том, что многие люди потеряли уверенность в собственных силах, не нашли своего места в рыночной экономике, не приобрели необходимые «рыночные качества» и сохранили приверженность патернализму. Важно и то, что происходит дальнейшее углубление массового отчуждения работников от самого процесса труда как деятельности, эффективно удовлетворяющей разносторонние потребности личности, превращении труда в средство жизнеобеспечения.

Экономические реформы вызвали и обострили целый ряд негативных процессов в сфере труда, в том числе значительное ухудшение условий и культуры труда, снижение качества трудового потенциала занятого населения, депрофессионализацию рабочей силы, эмиграцию научных работников и наиболее квалифицированных специалистов.

Значительную часть работающих характеризует утрата интереса, ослабление мотивации к эффективному и качественному труду и усиление ориентации на «быстрый» и желательно большой заработок. Наблюдения показывают, что в основе трудового поведения людей могут лежать самые разные мотивы, порой противоречащие друг другу. Вместе с тем в системе мотивов выделяется ведущий, который определяет поведение индивида в той или иной конкретной ситуации. Сегодня мотив заработка стал доминирующим в сфере труда, буквально

подавляющим все остальные. Сложилась ситуация, когда рост привлекательности заработка далеко не всегда сочетается с установками на профессиональные достижения, добросовестный, качественный и ответственный труд. Это в полной мере относится к работникам и работодателям, специалистам и руководителям. Как свидетельствует практика, даже участие в собственности не обеспечивает реализации таких установок.

Новые настроения, определяющие в последние годы отношение людей к своему труду, приходят в столкновение со сложными тенденциями в общественном сознании, затрудняя процессы приспособления к условиям повседневной жизни, ограничивая сферу действия адаптационных механизмов. Всепоглощающее стремление к большому заработку разъединяет людей, ослабляет сплоченность трудовых коллективов. Сегодня многие не уверены в возможности помощи, содействия со стороны совместно работающих с ними членов коллектива. Социально-психологическая разобщенность препятствует формированию у работников уверенности, смелости, инициативности. Отчуждение и разобщенность, испытываемые людьми в их повседневной трудовой деятельности, выступают в определенном смысле платой за материальное благополучие. В этой связи остро встает вопрос о поддержании приемлемого уровня социально-психологической общности, сплоченности коллективов как важнейшего адаптационного ресурса.

Низким остается уровень удовлетворенности трудом. В настоящее время немногим более половины работающего населения (52,6%) удовлетворены своей работой в целом, из них всего лишь 17,8% — полностью. У другой, меньшей половины работающих реальные результаты труда в той или иной степени не соотносятся с их ожиданиями, не приносят ощущения достигнутого успеха. В качестве положительного факта следует отметить, что доля лиц, которые полностью не удовлетворены своей работой, составляет всего лишь 7,4%.

Невысоки также показатели удовлетворенности различными сторонами своей профессиональной деятельности, результирующей которых является общая удовлетворенность трудом. Оплата труда устраивает лишь каждого пятого работающего, в том числе только 5,4% — полностью. 35,6% работников удовлетворены возможностями профессионального роста (из них 10,2% — полностью). Доля лиц, которых устраивают условия труда, составляет сегодня около 40%. В обстановке снижения стабильности занятости, постоянной угрозы безработицы и ослабления позиций профессиональных организаций, роста зависимости персонала от администрации работники оказываются беззащитными и все чаще вынуждены мириться с неудовлетворительными условиями труда. Отмечается значительное ухудшение социально-психологической атмосферы в трудовых коллективах, повышенная

напряженность в отношениях между работниками и администрацией, специалистами и руководителями.

В попытках приспособиться к изменившимся обстоятельствам многие видят единственную возможность сохранить работу. Индивидуальное приспособление к этим обстоятельствам превращается для них в суровую необходимость, обусловленную снижением их способности защитить свои права законными средствами. Важными аспектами труда становятся, с одной стороны, усиление ориентации работников на индивидуальные усилия, а с другой — снижение уровня требований и ожиданий, активизация в сознании приспособленческого начала.

Вместе с тем, занятые на предприятиях и в организациях чаще удовлетворены своей работой, чем работающие вне сектора организованной занятости, значительная доля которых связана с неформальным сектором (табл. 2). Их больше устраивают условия труда и возможности профессионального роста. Что касается оплаты труда, то здесь различия не столь существенны.

Таблица 2. Уровень удовлетворенности работой лиц, занятых в «организованном» и «неорганизованном» секторах, 2002 г. (%)

Степень удовлетворенности	Общая удовлетворенность работой	Удовлетворенность:		
		условиями труда	оплатой труда	возможностями профессионального роста
Занятые на предприятиях и в организациях				
Полностью удовлетворены	18,1	15,0	5,4	10,4
Скорее удовлетворены	33,6	31,1	14,0	24,5
И да, и нет	17,1	18,7	12,1	16,2
Не очень удовлетворены	22,7	23,3	33,7	24,2
Совсем не удовлетворены	7,8	11,1	33,9	19,0
Затруднились ответить	0,7	0,8	0,9	5,7
Занятые вне предприятий и организаций				
Полностью удовлетворены	11,3	8,8	5,0	2,5
Скорее удовлетворены	36,3	35,0	16,3	17,5
И да, и нет	13,8	16,3	8,8	19,9
Не очень удовлетворены	34,6	32,2	46,3	27,5
Совсем не удовлетворены	3,8	7,5	22,5	22,5
Затруднились ответить	0,2	0,2	1,1	10,1

Неудовлетворенность трудом, как правило, становится фактором повышения недовольства своим социальным положением и ухудшения социального самочувствия людей. Если среди наиболее адаптированного контингента работающих с очень хорошим социальным самочувствием доля лиц, удовлетворенных своей работой, достигает 71,3%,

то в противоположной когорте — только 35%. Аналогичные различия отмечаются в уровне удовлетворенности адаптированных и неадаптированных работников и специалистов условиями и оплатой труда, возможностями профессионального роста. Но надо заметить, что даже среди наиболее адаптированных работников удовлетворены условиями труда 65,7%, его оплатой — 39%, возможностями профессионального роста — 56,6% лиц данной группы. Однако эта тенденция не всегда проявляется прямолинейно, поскольку отношение к труду и социальное самочувствие формируются под влиянием разнообразных, не обязательно совпадающих факторов.

Несмотря на более высокий уровень неудовлетворенности работой, социальное самочувствие занятых вне предприятий и организаций лучше, чем самочувствие работающих в «организованном» секторе. Если среди занятых на предприятиях и в организациях, доля лиц с хорошим социальным самочувствием выросла за период исследования с 25,8 до 45,8%, то в «неорганизованном секторе» — с 27,6 до 53,8%, что существенно приблизило их по уровню социального самочувствия к наиболее благополучным группам (рис. 1 и 2). Среди адаптированных к новой жизни, независимо от характера занятости, чаще, чем среди лиц, испытывающих большие адаптационные трудности, встречаются люди, ориентированные на либеральную модель трудовых отношений, делающие ставку на собственные силы, и меньше тех, кто сохранил приверженность патернализму.

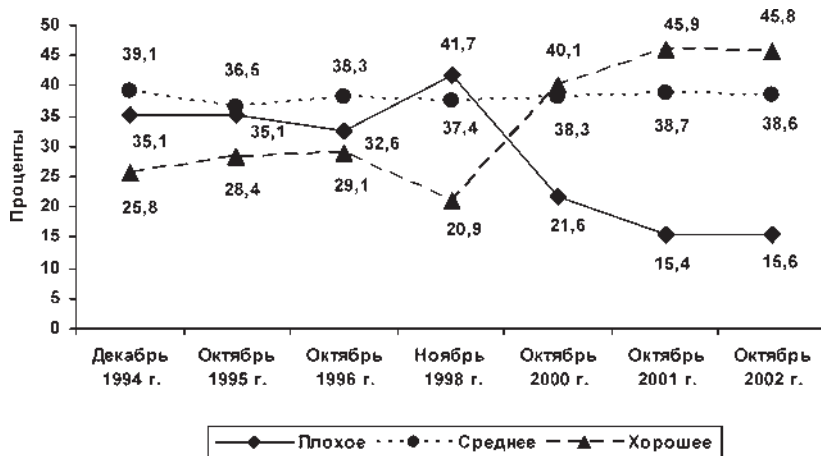

Рис. 1. Динамика социального самочувствия занятых на предприятиях и в организациях, 1994-2002 гг. (%)

Гендерная специфика проявляется в том, что у работниц предприятий и организаций социальное самочувствие хуже, чем у их коллег мужчин. Так, в 2002 г. доли лиц с хорошим и плохим социальным самочувствием составили среди женщин соответственно 40,5 и 19%, среди мужчин 51,5 и 13,6%. Однако в «неорганизованном» секторе наблюдается несколько иная картина. Здесь при одинаковом уровне плохого социального самочувствия у мужчин и женщин, удельный вес женщин с хорошим самочувствием составил 56,7%; мужчин — 51,5%.

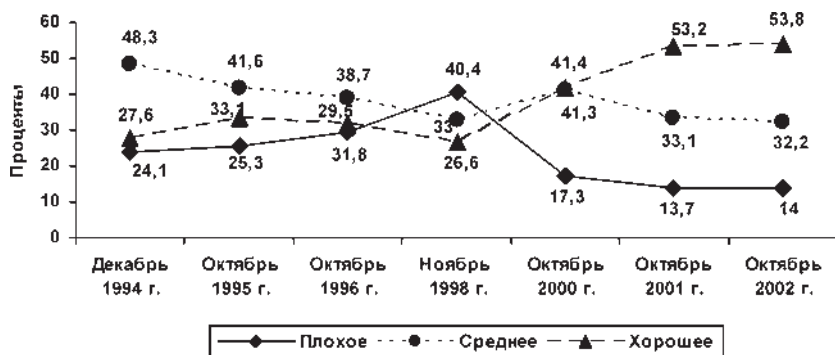

Рис. 2. Динамика социального самочувствия занятых вне предприятий и организаций, 1994-2002 гг. (%)

Отношение к работе оказывается наиболее значимым фактором удовлетворенности своим положением в социальном пространстве. Лица, недовольные своей работой и важнейшими ее сторонами, зачастую в такой же мере недовольны материальным положением и местом, занимаемым в социальной иерархии. И наоборот, удовлетворенность работой очень часто совпадает с удовлетворенностью собственным социальным положением.

Усиление неблагоприятных тенденций в сфере труда чревато серьезнейшими последствиями. Длительный опыт изучения социальных проблем труда в нашей стране и за рубежом подтверждает тесную взаимосвязь степени заинтересованности людей в продуктивной деятельности и удовлетворенности трудом, характером и темпами изменений в различных сферах общественной жизни. Социологические исследования показывают, что заинтересованность в работе порождает благоприятные установки по отношению ко всей совокупности общественных ценностей, а отсутствие заинтересованности и удовлетворенности работой, напротив, становится социально-психологической основой различных форм негативного поведения [13, с. 25].

Но мы были бы необъективны, если бы ограничились рассмотрением только негативных сторон и кризисных явлений, хотя именно они сегодня определяют общее состояние трудовой сферы. Более взвешенный и ответственный подход требует обратить внимание на те стороны изменений в сфере труда, которые в перспективе способны стать факторами, содействующими преодолению кризиса.

К ним следует отнести в первую очередь формирование довольно больших и устойчивых групп работников и специалистов с совершенно новым отношением к своей трудовой деятельности, позволяющим добиваться успеха в условиях рыночной экономики. Для многих из них характерна удовлетворенность заработной платой, содержанием и условиями труда. Такие группы включают лиц разного пола, возраста, образования, проживающих в городах и в сельской местности. Причем, чем выше уровень образования и возраст, тем чаще работники и специалисты удовлетворены своей работой.

В различных слоях, особенно в молодежной среде, у жителей крупных городов, отмечается рост потребностей в интеллектуально содержательной трудовой деятельности, дающей индивиду возможность полнее раскрыть свои индивидуальные способности и удовлетворить более широкий круг интересов (профессиональных, интеллектуальных и иных). Развитие этого процесса характеризуется ослаблением материальных стимулов как единственно ценных и усилением стремления к самореализации, растущим желанием обладать определенной степенью автономности и самостоятельности в самом трудовом процессе, принимать решения, влиять на организационные и другие стороны своей трудовой деятельности.

Сегодня существует немало предприятий и организаций, которые активно формируют адекватный рыночным отношениям тип работника, имеющего соответствующую структуру требований к работе, цивилизованный экономический интерес, предполагающий необходимость инициативной, качественной трудовой деятельности при соответствующей оплате труда. В сферу актуализированных потребностей работников таких предприятий помимо материального интереса входят рост профессионализма, стремление к обогащению труда, к инновациям, общественному признанию, способность оказывать влияние на различные стороны своего труда. Данный процесс затронул и верхние эшелоны — директоров, руководителей крупного масштаба. В частных и государственных предприятиях на высокие руководящие должности все чаще приходят профессионалы высокой квалификации, предприимчивые, инициативные и ответственные.

Важнейшим следствием усиления нематериальных аспектов труда и жизни является ослабление доминировавшей с начала 90-х годов прошлого столетия стратегии социальной интеграции, в рамках кото-

рой у населения культивировалось восприятие условий жизни лишь через призму материального благосостояния.

Об изменении отношения к труду свидетельствует отмечавшийся уже рост доли вербальных «рыночников», фиксируемый после 1998 г. Для данного контингента характерны не только установки на достижения и уверенность в собственных силах, но и высокая удовлетворенность своей работой. Если среди «уверенных рыночников» доля лиц, довольных своей работой, в 2002 г. составила 58,3%, то среди «уверенных нерыночников» — 44,2%. Повышенный уровень удовлетворенности вербальных «рыночников» своей работой отражает одну из граней их адаптированности к условиям рыночной экономики. Удовлетворенность, как отмечает К.А. Абульханова-Славская, соотносится как с исходными потребностями и притязаниями личности на успех, так и с представлениями о своих возможностях достигнуть его, а также с определенными требованиями к собственной деятельности [1, с. 228]. В этой связи удовлетворенность трудом может свидетельствовать не только о положительном отношении к своей работе, которая чаще всего связана с рыночными формами трудовой деятельности, но и о реализованных потребностях и притязаниях, которые у «рыночников» достаточно высоки.

Как известно, субъективные показатели удовлетворенности трудом формируются под воздействием многих факторов, в том числе частных оценок отдельных сторон трудовой деятельности. Именно этими факторами в значительной мере определяется общая удовлетворенность трудом, вне зависимости от факторов производственной среды. Анализ показал, что для «рыночников» характерна не только более высокая степень удовлетворенности трудом в целом, но и его частными сторонами, особенно оплатой труда и возможностями профессионального роста. Так, среди «уверенных рыночников» доля респондентов, удовлетворенных оплатой труда, почти в два раза выше, а возможностями профессионального роста — в полтора раза выше, чем среди «уверенных нерыночников» (соответственно 27,9 против 14,2% и 40,2 против 27%). Существенным является также разрыв в уровне удовлетворенности условиями труда (53,1 против 41,4%).

Для части работающих стало характерным усиление ориентаций на индивидуальные возможности и ослабление приверженности патерналистским традициям. 71% россиян полагают сегодня, что успех — это результат их собственных усилий, и только 21% — что это удачное стечение обстоятельств [5]. Подобные данные, согласующиеся с результатами нашего исследования, говорят о том, что жизнь заставила людей надеяться на себя. И эти установки далеко не всегда сочетаются с пассивным приспособлением к новой экономической среде, о чем говорилось выше, или эгоизмом, безнравственным,

нелегитимным поведением. Нередко они вызывают стремление к проявлению активности, направленной на овладение ситуацией, усиление ориентаций на продуктивную профессиональную деятельность, обучение и переобучение, повышение квалификации, овладение новой профессией или специальностью, должностной рост, вторичную занятость, поиск нетрадиционных, но не выходящих за рамки легитимности источников доходов и т.д.

На этапе перехода к рыночной экономике результативность адаптации в наибольшей степени обеспечивается адекватным экономическим поведением, ведущей формой которого выступает участие в самостоятельной предпринимательской деятельности, включая стремление, реализуемое на практике, организовать собственное предприятие или начать какое-либо другое свое дело. Часть работающего населения, демонстрирующая такое поведение, представляет собой наиболее конкурентоспособный, активный и инициативный трудовой контингент, характеризующийся мотивацией достижения, высокими адаптационными возможностями применительно к условиям современной российской рыночной экономики. Интересы данного контингента не входят в противоречие с интересами и тенденциями эволюции общества, вступившего на путь капиталистического развития.

По данным РМЭЗ, в октябре 2002 г., доля лиц, предпринимавших в разное время попытки организовать собственное дело, составила около 9%, увеличившись с ноября 1998 г. на 2,1%. Однако добились успеха только около трети из них. Наиболее активны в организации предпринимательской деятельности мужчины и женщины в возрасте 31-40 лет. Однако чаще всего эта активность вознаграждается в более зрелом возрасте. Возможно, это связано с тем, что часть людей старшего возраста обладают более высоким адаптивным потенциалом и ресурсами, чем молодежь, в силу более глубоких знаний, богатого жизненного опыта, широкого круга друзей и знакомых.

Лица, проявляющие активность в организации собственного дела и в особенности добившиеся успеха на этом пути, гораздо лучше адаптируются к новым социально-экономическим условиям и поэтому реже испытывают социальный дискомфорт. Доля респондентов с плохим социальным самочувствием среди лиц, никогда не пытавшихся организовать собственное дело, втрое выше, чем среди тех, кому это удалось. И данное соотношение с годами не меняется. Но гораздо больший интерес представляет тот факт, что более благоприятным социальным самочувствием отличаются даже те, кто только пытались заняться предпринимательством, но потерпели неудачу. Следовательно, предпринимательская активность сама по себе зачастую оказывается более значимым фактором, способствующим снижению социального дискомфорта, чем достижение успеха в этой области. Не добившись успе-

ха в одной сфере деятельности, предприимчивые люди переключают свое внимание на другие и чаще всего находят свою нишу.

Для них характерна высокая готовность действовать даже в тех случаях, когда они оценивают свои возможности как ограниченные. Об этом свидетельствуют высокая уверенность в собственных силах, готовность самостоятельно решать свои проблемы и добиваться задуманного. Примечательно, что в периоды социальных трансформаций и на крутых жизненных переломах люди с высокой самооценкой оказываются нередко в более выгодном положении, чем те, кто стремится следовать «голосу разума». Уже давно подмечено, что в сложных ситуациях завышение своего ресурса может стать положительным фактором его сверхмобилизации [10, с. 94]. Завышенная самооценка становится своеобразным способом мобилизации собственного ресурса, необходимого для успеха индивида на другом, более сложном уровне социальной деятельности и перехода в более престижную социальную группу.

У предпринимателей, занимающих верхние ступени материального благосостояния и социального положения, постоянно фиксируется очень высокий уровень социального самочувствия. Даже в 1998 г. количество лиц с хорошими его показателями здесь было в два с половиной раза больше, чем количество людей, испытывающих социальный дискомфорт (рис. 3). Доля лиц с хорошим социальным самочувствием достигла в октябре 2001 г. среди предпринимателей 64,8%, впервые превысив после значительных колебаний показатель декабря 1994 г., и к концу 2002 г. выросла до 68%. В этой группе сосредоточено самое большое число наиболее адаптированных лиц — 24,2%.

Слой предпринимателей не является, как может показаться на первый взгляд, однородной массой. Внутренние различия, характерные для этого слоя, связаны с масштабами и сферой хозяйствования, происхождением капитала, характером опорных воспроизводственных связей, близостью к каналам распределения финансовых и иных ресурсов. В целом, группа предпринимателей представлена множеством качественно разнородных структур, разрыв между которыми зачастую огромен [12]. Различия в уровне и качестве их жизни, учитывая высокий уровень притязаний, ориентацию на достижения более успешных конкурентов, становятся серьезной причиной различий в социальном самочувствии. В 2002 г. каждый четвертый предприниматель занимал на шкале социального самочувствия среднюю позицию, а около 7% — нижнюю.

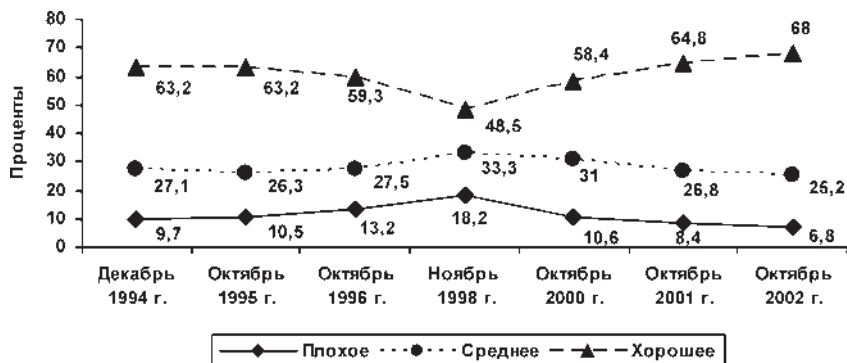

Рис. 3. Динамика социального самочувствия предпринимателей, 1994-2002 гг. (%)

Взаимосвязь между социальным самочувствием и удовлетворенностью трудом у предпринимателей имеет довольно сложный характер. Несмотря на высокий уровень социального самочувствия, у них редко встречается полная удовлетворенность трудом (табл. 3). Это объясняется, по-видимому, высокими притязаниями и спецификой трудовой деятельности предпринимателей. Традиционно доминирующей установкой в сфере труда является постоянное стремление предпринимателя к повышению своего социально-экономического статуса. Но наряду с мотивами сугубо материального, прагматического характера немаловажное значение в их деятельности играют мотивы престижа. Необходимо также учитывать, что вербально выраженная удовлетворенность (или неудовлетворенность) может отражать временное состояние человека, полностью погруженного в динамичный трудовой процесс, часто попадающего в стрессовые ситуации, переживающего эмоциональные подъемы и спады.

Хотя удовлетворенность заработками у предпринимателей выше, чем у значительной части других категорий работающих, большинство из них хотели бы зарабатывать еще больше. Многих не устраивают условия труда, характеризующиеся высокой напряженностью, нерегламентированным рабочим днем, частыми командировками, отсутствием нормального режима труда и отдыха и т.п. И, наконец, меньше всего их устраивают возможности профессионального роста. Скорее всего это связано с тем, что многие из них уже занимают в своих организациях самые высокие руководящие должности.

Таблица 3. **Уровень удовлетворенности предпринимателей своей работой, 2002 гг. (%)**

Степень удовлетворенности	Общая удовлетворенность работой	Удовлетворенность:		
		условиями труда	оплатой труда	возможностями профессионального роста
Полностью удовлетворены	6,1	10,2	8,2	4,2
Скорее удовлетворены	40,8	24,5	24,5	22,2
И да, и нет	14,3	10,2	16,3	14,3
Не очень удовлетворены	32,7	41,0	40,9	26,5
Совсем не удовлетворены	4,1	12,2	6,0	22,6
Затруднились ответить	2,0	1,9	4,1	10,2

Отмечая повышенные адаптационные возможности слоя предпринимателей, его конкурентоспособность, заряженность на успех, умение встраиваться в новую экономическую систему, необходимо иметь в виду относительность этих оценок. Исследования, проведенные в 1991-1994 гг., показали, что предприниматели, как и другие группы, включившиеся в процесс рыночных преобразований, даже если и демонстрируют удовлетворительные результаты деловой активности, оказываются неготовыми к генерированию социально-экономических преобразований в нашей стране [9].

За последующие годы ситуация, конечно, изменилась. Предприниматели накопили опыт, приобрели определенные профессиональные знания, освоили новые формы деловой активности, существенно изменились их взгляды. Но эти процессы идут не так интенсивно, как хотелось бы. В предпринимательской среде очень остро ощущим дефицит рыночной культуры, что означает не только отсутствие в их сознании тех или иных рыночных знаний, привычек, запросов, но одновременно и наличие, как замечает Р.В. Рывкина, каких-то других привычек и запросов, которые не адекватны рыночным отношениям [14, с. 245]. Многие из них не могут отказаться от уродливых форм предпринимательской инициативы, не в состоянии выйти за рамки деформированных представлений о бизнесе и предпринимательстве, которые сформировались на начальном этапе экономических реформ, а небольшая часть, в основном люди старшего возраста, сохраняет некоторые установки, оформившиеся еще в советское время.

В сельской местности появление людей «новой формации» идет намного медленнее. Большинство сельских жителей не решаются пока вести самостоятельно фермерские хозяйства. Причин этому много, но на одном из первых мест — отсутствие цивилизованного земельного рынка. Почти полтора века, начиная с 1861 года, Россия безуспешно

пытается сформировать земельный рынок. Продолжают сказываться последствия длительного периода колхозно-совхозного строя, несовершенство земельного законодательства. Реализация федерального закона об обороте сельскохозяйственных земель, принятого только в начале 2003 г., по сути отдана на откуп местным властям. В результате в стране появилось 89 земельных рынков — по числу регионов. И если в одних регионах местные власти дают жить мелким хозяйствам, то в других ставят им всяческие препоны. Социологические исследования показывают также, что большинство населения не приемлет идеи фермерства, что объясняется как нежеланием брать ответственность и риски на себя, так и привычкой к различным формам коллективной производственной деятельности [6, с. 140]. В целом, фермеры все еще слабо включены в рыночные отношения. Но хотя среди опрошенных оказалось всего лишь несколько человек, которые отнесли себя к категории фермеров, практически все они обладают хорошим и очень хорошим социальным самочувствием.

Таким образом, за годы экономических реформ отношение россиян к труду, как и сама сфера труда, претерпели значительные изменения. Постепенно происходит формирование нового типа работника и специалиста с адекватным рыночной ситуации отношением к труду — ориентированного на либеральную модель трудовых отношений, отказывающегося от патернализма, инициативного и предприимчивого, инновационно ориентированного и ответственного. Но говорить сегодня о наступившем переломе в этом звене оздоровления экономики и возрождения общества еще очень и очень рано. Для такого перелома важно создать совокупность предпосылок экономического, технологического, социально-культурного и иного характера, глубоко проникнуть в сущность механизмов функционирования мотивации труда в новых условиях и преодолеть принципы и стереотипы прежнего отношения к труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Аврамова Е.М.* Адаптация как фактор дифференциации трансформирующего общества // Проблемы социально-психологической адаптации населения в период трансформации общества: Материалы вторых Мильнеровских чтений (Москва, декабрь, 1998 г.) / Науч. ред. Э.Б. Гилянская, С.Н. Смирнов. М.: ГУ ВШЭ, 1999.
3. *Беляева И.Ф., Булычкина Г.К., Молоканова И.А.* Кризис труда и его последствия // Изменения в мотивации труда в новых условиях. М.: НИИ труда, 1992. С. 13-15.

4. *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001.
5. Известия. 2003. 12 августа.
6. *Кустов В.Н., Берзон Н.И., Липсиц И.В., Филонович С.Р.* Программа создания вертикально-интегрированных агропромышленных компаний для повышения эффективности сельскохозяйственного производства в России // Мир России. Том IX. 2000. № 3.
7. *Лукиянова Т.Н., Убиенных Т.Н., Эйдельман Я.Л.* Культурные детерминанты отношения к труду // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 130-158.
8. *Магун В. С.* Трудовые ценности российского населения: социалистическая модель и постсоциалистическая реальность // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 137-151.
9. *Мусаэлян И.Э., Сливницкий Ю.О.* Российский предприниматель: готов ли он стать двигателем социально-экономического развития страны? // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо-, и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 225-230.
10. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1998.
11. *Плинер Ю.Е., Корсаков А.В., Соболева О.А.* Патернализм как парадигма отношений на производстве (PRO И CONTRA) // Изменения в мотивации труда в новых условиях. М.: НИИ труда, 1992.
12. *Радаев В.В.* Явление предпринимательства и группы предпринимателей // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 176-177.
13. Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов. Под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Academia, 2001.
14. *Рывкина Р.В.* Драма перемен: Экономическая социология переходной России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2001.
15. *Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М.* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3. С. 153-172
16. Современная американская социология. М., 1994.